

Непомнящий

Зарисовка

16+

Непомнящий Зарисовка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67867461

SelfPub; 2022

Аннотация

"Зарисовка" топит читателя мыслями запутавшегося в себе человека. Ее задача погрузить в аутентичную атмосферу и заставить почувствовать что-то новое.

Непомнящий

Зарисовка

Отражение закатного солнца застыло в ее глазах. Увидеть свет им больше не суждено. Их задача – быть маленькими светилами, пока черви не начнут снестать белки и потускневшую радужку, пока ее тело не найдут здесь у морского берега, чтобы возбудить уголовное дело и заколотить бездыханную оболочку в сосновый гроб.

Лежит все еще красивая и нежная молодая девушка. Ноги все еще по колено омываются ледящей соленой водой. Кажется, она холоднее ноябрьского вечернего моря. Может, она притворяется? Она всегда любила пошутить – ее юмор граничит с сумасшествием и страшной реальностью, – высмеять свои пороки и недостатки. Быть может она и сейчас шутит, вылетев из своего тела и наблюдая за мной – человеком, абсолютно её не понимающим. Стоит полупрозрачной дымкой и смеется, как пять минут назад по неясному мне пустяку.

Мысли бегут одна за другой, прыгают одна на другую, врезаются с болью в голову, щипают нервные окончания. Кошмар и мечта, но все-таки – это кошмар. Потерял, чтобы не бояться утрат. Больше мне не страшно. Я не ревную её, не переживаю, что кто-то в силах отобрать у меня сокровенное, но и сам ей не обладаю, как и раньше, – и не смогу.

Цветы нельзя срывать, какими красивыми они бы не были. Они влекут, манят своими бутонами взор, ими завладевают, чтобы радовать себя не их свежестью, а самим фактом обладания. Ценить вещи нужно в их свободе от личностных категорий – "мое", "не мое". Читал об этом у Э. Фромма, припоминаю его сравнения западной философии и восточной. Если Теннинсон срывает цветы, Гете сажает у своего дома, а Бассе лишь любуется украдкой незаметным никому растением, – я намеренно уничтожаю. Сорвал не для того, чтобы любоваться, а для того, чтобы никто любоваться не смог.

Я взял её за руку и прилег рядом на песок. Сразу меня окатило волной. Потекли слезы. Где-то вверху в потемневшем небе плывут облака – серые, грозные, намекающие на мою ошибку. Сама земля замедлила свой ход, указывая на презрение ко мне, маленькому человеку, оставшемуся в одиночестве. Она могла жить, и я мог жить, помогая ей, посвятив себя единственной душе. Новая морская атака скользнула через наши руки, разъединив их.

Нужно ли принимать эту реальность? Улегшись ей на грудь, я уставился в горизонт, поглощающий еле светящийся шарик. Зазвонил телефон – точно не мой, он всегда стоит на беззвучном режиме. Добежал до наших полотенец, порылся в вибрирующей сумке. "Мама" – высветилось на телефоне. Мигает вспышка, противные, практически колокольчатые звуки, не перестают отвешивать подзатыльники.

Брать трубку или нет? Она спросит где Лика. Ответить – "Ваша дочь умерла"! Пока думал звонок прекратился. Экран с уведомлением о пропущенном погас. Только перевел дыхание, как он снова засветился, на этот раз пришла черед сообщений: "Лика, ты где?", "Почему не помыла посуду?", "И не забывай, что сегодня вечером нам нужно поехать к твоему отцу в больницу.", "Ему уже лучше."

Темнеет, но я не могу оставить ее здесь. Не потому что тело обнаружат, а потому что я буду скучать. Прийти домой с мыслью, что Лики больше нет, а ее прекрасное тело осталось на пляже разменной монетой моих психологических травм, – значит убить жизнь, которая мирно протекала до сегодняшнего дня.

Куплю лед, засыплю им ванну, как в фильме, который я когда-то смотрел с ней. Раздену, положу и буду ждать. Чего мне ждать? Пока придет полиция или пока она не сгниет до белых костей. Ждать пока на меня снизойдет кара небес, и я умру от инфаркта или инсульта. Сидеть в тюрьме или наблюдать за тем, как моя любимая разлагается, я не хочу. Единственный выход – умереть, но на это нет сил.

Возмездия за деяние от Бога получить не выйдет. Ему глубоко наплевать на людей, а даже если и нет, то он уже наказывает меня муками – Лика не хотела быть со мной, но я не хочу быть без нее. Я не просто не смог с ней расстаться, когда это было нужно, я убил ее. Получается, будто бы я никогда ее не любил. Мне было с ней хорошо – ей не было, – выходит

я – эгоист, который ради несбывшихся фантазий убил.

Мерцание солнца из-за горизонта стало совсем редким. Море начало бушевать с большей силой. Вода уже доходит не до колен, а до самих плеч. Вот-вот молодое тело засосет в иссиня-черную соленую бездну. Въедливый шум моря уперся в уши. Кряхтение деревьев далеко позади меня разжигает глубокое отчаяние. Тополи, стоящие у дороги, мрачно скрипят и будто хихикают, насмехаясь над глупостью и порочностью обманутого своими мыслями человека.

Я снова улегся в воду, теперь уже по шею, обняв Лику. Накинул ее мокрые, скользкие руки на свои плечи. Это последние наши объятия. Даже сейчас, уже бездушная, она отстраняется от меня и пытается уплыть навстречу волнам. Я прижал ее голову к своей груди, волосы, как всегда, зацепились об мои ладони. Раньше она всегда нервничала из-за этого и умоляла быть нежнее. Теперь ей все равно.

Меня начало сносить вместе с телом. Не хочу отпускать. Готов утонуть вместе с ней. Если только зацепит, если только на миг ее руки напрягутся, чтобы забрать меня с собой – я поплыву. Неужели она не хочет отомстить мне? Или же хочет и поэтому оставляет меня одного? Она, как и деревья и облака, и само небо, смеется, шутит, заставляет жить без нее вопреки моей воле.

Нас двоих вода подхватывать не желает. Море соленое, но рассчитано только на один труп, который унесется в его центр. Сейчас мне с силой приходится держаться за Лику,

чтобы она не ушла на дно. Солнце выгорело. Звезды еще не появились. Глаза перестали отражать свет. Они мертвы. Водным ударом нас раскидало по пляжу. Пока я пытался подняться, Лика ушла вместе с отливом.